

АНГЛИЙСКИЕ ОПОРЫ КАНТОВСКОЙ ТЕОЛОГИИ

Кантовская философско-теологическая концепция, разрабатываемая на почве просвещенного прусского абсолютизма, опиралась не только на труды немецких философов. Она вобрала в себя весь опыт теологических исканий в странах Западной Европы. Значительное влияние на религиозное строительство И. Канта оказали метаморфозы английской практики богослужения и идеи британских философов.

Ключевые слова: теология, просвещенный прусский абсолютизм, религиозные догматы, протестантские секты, Верховное Существо, свобода совести, вечный мир.

В 60-е годы XVIII столетия после большой подготовительной работы Иммануил Кант приступил к разработке своего прочтения религиозной жизни. Потребность в переосмыслении протестантских догм остро ощущалась в немецком обществе. Прусское государство стояло на пороге перехода к народившемуся капитализму; в нем уже сложились основы товарного производства. Тем не менее в сознании людей преобладала феодальная идеологическая парадигма, согласно которой единственной высшей ценностью сферы духа является приверженность к христианским ценностям. Правда, потихоньку данная установка стала размываться, так как Фридрих Великий проводил достаточно либеральную политику по отношению к философии и религии: он охотно принимал передовых философов-изгнанников из соседних стран, вел с ними оживленную переписку. Не чинилось особых препятствий и свободе совести граждан. Наряду с официальным лютеранством в прусском королевстве имели хождение другие протестантские учения, в частности пиелизм, завоевавший широкое признание в городах и в семье кенигсбергского мыслителя. Несмотря на эти подвижки, социальный институт церкви с его жесткой регламентацией всех сторон практического бытия существенных изменений не претерпел и все еще доминировал в этой прибалтийской монархии. Церковная иерархия сохраняла свои устоявшиеся политико-правовые позиции: она по-прежнему контролировала искусство, философское творчество и научные исследования, сковывала их свободное развитие. Чтобы разорвать священные путы и изъять философию из богословских объятий, Кант и поставил своей целью создать новую трактовку религиозных догматов.

Кантовская концепция, разрабатываемая на духовной ниве просвещенного немецкого абсо-

лютизма, вобрала в себя богатейший опыт теологических исканий, накопившийся в различных частях европейского континента. Первоначально самыми привлекательными для немецкого исследователя стали философско-теологические построения французских вольнодумцев во главе с Ф.М. Вольтером и Ж.-Ж. Руссо. (1, с. 69). Они послужили отправным пунктом для его религиозного строительства. Однако их романтическая и чувственная направленность и социальный утопизм не устроили будущего основоположника критической философии. Ведь опираясь на идейное наследие выдающихся французов, легко можно было оказаться в кругу бесплодных фантазий. А Иммануил Кант, как метко подметил Л.Н. Толстой, был строгий мыслитель. При построении своей теологической конструкции он предпочел остаться на твердой земной почве. После серьезного увлечения идеями французских соседей немецкий теоретик обратил свой взор к английской философии. Собственно, он и не расставался с ней с первых шагов своей творческой деятельности. В трудах британских философов творец «Критик...» надеялся получить дополнительный эмпирический и теоретический материал для выработки собственной интерпретации божественных образов.

Обращение Канта к философским идеям туманного Альбиона вполне закономерно. Англия была одной из первых стран, вступивших на путь капиталистических преобразований абсолютистско-монархического строя и его идеологической составляющей – католической веры. Поводом для разрыва с Ватиканом послужил конфликт Генриха VIII с папой Климентом VII о признании незаконным разрешения, данного предшествующим папой на брак с Екатериной Арагонской. В ответ на отказ первосвященника в подобном действии рассерженный бывший «последовательный защитник веры» в

1534 году издал указ об упразднении папской власти над английской епархией и переходе ее под юрисдикцию короны. Римские прелаты были изгнаны из страны; монастырские владения и земли конфискованы и захвачены буржуазными дельцами. Хотя значительные группы католиков на территории Англии и остались, тем не менее бывшее могущество клерикального богословия безвозвратно кануло в Лету. На месте католицизма обосновались национальная англиканская церковь и (вышедшие из нее или пришедшие извне) разнообразные протестантские секты: пуритан, индепендентов, баптистов и т. д.

Спонтанно вспыхнувший антикатолический костер, в огне которого сгорело папское владычество, принес на Британские острова столь долгожданную Реформацию, давно уже пожинаящую богатые плоды в Швейцарии, Нидерландах, Германии. Правда, здесь она отчасти запоздала и поэтому в полной мере не смогла разрешить назревшие проблемы теологии. У этого идейного течения просто не хватило сил, чтобы предотвратить дальнейшие злоключения религиозных учреждений в быстро прогрессирующей по всем направлениям мировой морской державе. Конечно, проведенные реформы церковного обустройства отвечали интересам британского истеблишмента, однако религиозным чаяниям революционных масс они уже не соответствовали. По сути, Реформация послужила лишь предлюдием к грядущим церковным катаклизмам, которые лавинообразно нарастали на протяжении второй половины XVI и всего XVII столетия. Напряженность в области поклонения Верховному Существованию практически не прекращалась ни на минуту. Сразу же после свержения папских наместников в стране наметилось острое противостояние между англиканской церковью и разнородными протестантскими сектами. Борьба велась за привлечение в свои ряды более многочисленной паствы, за первенство в проведении священных ритуалов и обрядов. Шла она с переменным успехом. Первоначально победу праздновало англиканство. Все другие претенденты на место под солнцем (разношерстные, порой даже вычурные сектанты и сохранившиеся католики) были объявлены персоной нон грата и подверглись физическому и политическому преследованию.

Казалось, что в британском обществе воцарились относительное спокойствие и стабильность. Получив официальное признание и под-

держку, англиканская церковь в период с 1534 по 1571 год совершила рывок и оформилась канонически и в полноправный социальный институт. Священное Писание перевели на родной английский язык, составили собственный оригинальный Молитвенник, приняли «39 статей» Символа веры. Понемногу прирастало число послушников, поскольку новое вероисповедание с помощью большой армии высокопоставленных чиновников усиленно насаждалось во всех слоях населения. Между тем история распорядилась по-своему. Кампания по привлечению в лоно национальной церкви подавляющего большинства граждан желанных результатов не принесла. Навязываемый сверху культ приживался очень трудно; его бытие было непрочным. В среде пастырской братии происходило постоянное брожение умов, вызывавшее разногласия, конфликты и расколы. Больше того, в 40-е и 50-е годы XVII столетия случилась настоящая катастрофа. Победы армии Оливера Кромвеля над королевскими войсками привели к низвержению правящей монархии. Крушение монархических устоев не оставило никаких шансов государственной англиканской церкви. Укрыться где-либо вдали под тихим кровом от бушующего революционного вихря или просто остаться незамеченной кромвелевскими йоменами ей не удалось. В существовании этого священного института произошли крутые и неожиданные перемены. Достигнутые в прошлом статус и сопряженные с ним привилегии были разом перечеркнуты. Лелеемые церковными идеологами мечты о вечном приоритете в культовом служении развеяны по ветру. В одночасье роялистские священники лишились небесного покровительства и поменялись ролями со своими заклятыми врагами. Теперь уже они познали до конца горечь и муки социальных изгоев; теперь уже на них охотились, убивали и сажали в тюрьмы. В противоположном стане, в когорте угнетенных сектантов, тоже свершилось знаменательное событие, которое в корне изменило их положение на социальной лестнице. Поддержав победивший народ, ранее гонимое сектантство совершило восхождение на вершины властного олимпа. Так продолжалось почти два десятилетия. И лишь в 1662 году англиканская церковь вновь появилась на исторической сцене. А окончательное умиротворение воюющих сторон наступило после «славной революции» 1688 года и последовавшего в 1689 году

принятия парламентом Англии Акта о веротерпимости. Этот Акт законодательно закрепил свободу вероисповедания, положил конец кровавым распрям. Религиозная жизнь на Британских островах приобрела многомерное содержание. Каждый житель английской деревни или городского полиса мог при желании исповедовать любую веру и при этом не испытывать страха за себя и свое имущество. Каждый получил право сам распоряжаться собственной совестью и свободно определять, где, кому и как он будет возносить горячие молитвы.

Длительные баталии между приверженцами разных конфессий весьма болезненно отозвались во всех округах и графствах Британского королевства. Развал государственного церковного механизма и неизбежная трансформация богослужебной практики затронули интересы миллионов англичан и отрицательно сказались на их повседневном бытии. Эти процессы принесли с собой бездну утрат: материальные разрушения, порчу имущества, непомерную боль и страдания по поводу гибели близких. Как следствие, в сознании массы прихожан произошел небывалый всплеск антивоенных настроений. Повсеместно прокатился все нарастающий вал требований положить конец бесконечным раздорам среди духовенства. Объективно страна нуждалась в таком состоянии духовной атмосферы, которое бы обеспечивало благоприятные условия для идущего семимильными шагами экономического, политического и социального прогресса. Англия превращалась в ведущее индустриальное государство, и всяческая нестабильность в идеологической области была для нее серьезной помехой. Поэтому настоятельные призывы к прекращению конфликтов и установлению толерантных религиозных отношений звучали буквально отовсюду: из столичного центра и из самых удаленных уголков периферии. Многие популярные общественные деятели (и философы, и богословы) выступали за скорейшее преодоление конфессиональной вражды, нашедшей пристанище среди различных богословских течений. Им представлялось, что мирный характер священных отправления – верный залог успеха и процветания родного отечества. Так, выдающийся английский мыслитель Ф. Бэкон, формулируя на страницах своих книг пацифистские идеи, увещевал враждующих теологов, чтобы они умили свой воинственный пыл и прекратили братоубий-

ственные столкновения, несущие с собой не благо, а безмерное зло. Если будут ликвидированы острые разногласия в богословской среде, подчеркнул философ, то выиграют все: атеисты, сектанты, сторонники англиканской церкви. «Плодом единства, – убеждал Ф. Бэкон сограждан, – является мир, таящий в себе неисчислимые блага, ибо он укрепляет веру, побуждает к милосердию, из мира церковного претворяется в мир душевный, а силы, ранее затрачиваемые на полемические сочинения, обращаются на проповедь смирения и благочестия» (2, с. 358).

Думается, миротворческие умонастроения английских философов передались Канту и оставили в его душе неизгладимый след. Об этом свидетельствует тот факт, что проблематике войны и мира он уделил достаточно большое внимание в своих исследованиях. Итогом кантовских размышлений явилось специальное сочинение «К вечному миру», написанное в последние годы, на закате философской карьеры. Каждый индивид рожден для счастья, а его невозможно получить, если между народами ведутся военные действия, если под угрозой находится их благополучие и собственная жизнь. Война, пишет немецкий философ, есть естественное, прирожденное свойство самой природы человека, и чтобы преодолеть это постоянно воспроизводимое зло, необходимы сознательные усилия граждан из всех общественных слоев. Только тогда можно будет пресечь злую максиму в их разуме; только тогда они сделают крупный шаг, направленный к заветной свободе, счастью и справедливости. Состояние мира, указывает Кант, – это ничем не измеримое благо не только жителей определенной страны, но и для всех представителей человеческого рода. Чтобы приблизиться к этой величайшей цели, все государства должны заключить между собой специальный договор, содержащий как минимум шесть важнейших принципов мирного сожительства. Неуклонное выполнение правительствами взятых на себя обязательств, предусмотренных в этом правовом документе, гарантирует успешное разрешение вечной проблемы человечества – сохранить мир на земле.

В заключаемый договор, отмечает создатель «Критик...», непременно нужно внести статью об исключении из практики межнационального общения феноменов религиозной исключительности и враждебного отношения к иноземным формам поклонения Всевышнему.

Очень уж часто извращенное толкование собственной веры было поводом развязывания кровопролитных конфликтов. Если взглянуть на всемирную историю, то легко можно увидеть, что почти все войны действительно протекали под религиозными знаменами. К тому же, как правило, божьи избранники навязывали участникам военных действий разделение людей на своих и чужих, на низших и высших, хороших и плохих. Проповедь исключительности и неравенства служила питательной почвой для распространения в головах верующих негативных «чрезмерностей» – фанатизма и суеверий. Чтобы вернуть людей в естественные рамки истинной веры, говорит Кант, важно предусмотреть в создаваемом договоре специальный пункт, который запрещает какие бы то ни было умственные упражнения теологов, ведущие к искажению святых истин. А те доктрины, которые уже заражены отрицательным вирусом и провозглашают единственным и непогрешимым собственным способом почитания Творца мира, несомненно, следует признать непригодными, погружающими своих прозелитов в трясину заблуждений. Можно только приветствовать их изъятие из обращения при проведении церковной службы. Сохранение «чрезмерных» построений отвечает лишь корыстным интересам иерархической верхушки. «Религия, – заключает кенигсбергский мыслитель, – для всех людей и во все времена может быть только одна» (З, с. 287). Она существует в пределах нашего разума. Всякие попытки служителей церкви подменить это идеальное образование его разнообразными проявлениями в объективной реальности бесплодны и никчемны и, как показывает исторический опыт, чреватые даже реками крови.

Безусловно, кантовские предложения по разрешению проблем войны и мира опирались на философское достояние английских Любомудров. Безусловно и то, что в ранние годы, когда Кант только-только приступил к разработке своей этикотеологии, предложенные этими философами пацифистские идеи укрепляли его приверженность выводам Ж.-Ж. Руссо о нравственной сущности религиозных воззрений. Война – безнравственное явление человеческого бытия, как бы ни старались ее оправдать те или иные теологи или светские теоретики. Ее жесткий и бессмысленный вандализм, который приводит к многочисленным жертвам, абсолютно несовместим с истинной религией и высоки-

ми моральными идеалами. Оттого-то большинство учений осуждает этот общественный феномен, предусматривает мирный характер отношений между людьми как обязательное требование формулируемых норм и законов. Насилие, может быть, и повивальная бабка исторических новаций, однако гораздо предпочтительнее использовать для благостного прощания с прошлым и учреждения нового ненасильственные действия. Такое осуществление социальных преобразований и плодотворнее, и гуманнее, и чище, да и быстрее приводит к достижению поставленных целей.

Обычно любая строящаяся философско-теологическая концепция (если она претендует на тесную связь с нравственными принципами) содержит пацифизм в качестве неотъемлемого компонента. Бережно хранить и постоянно укреплять мирное сотрудничество людей – непреложный тезис ее системообразующего и основополагающего конструкта. В то же время следует подчеркнуть, что на базе одних только суждений о толерантности, о предрасположенности к миру невозможно создать весь сложный и разветвленный остов разрабатываемой доктрины. Нужен более обширный комплекс идей, который, во-первых, раскрывал бы сущностные черты религии как социального феномена, а во-вторых, имел бы надежную опору в объективной действительности. Решить многотрудную и объемную задачу строительства подобного каркаса понятий и предстояло немецкому философу. Причем охарактеризовать социальный институт религии следовало не в его старой средневековой оболочке, а в совершенно новом, лишь вырисовывающемся облике. Реальный образчик такого рода культовых отправок и предоставила Канту буржуазная Англия, которая уже в XVII веке существенно продвинулась по пути пересмотра религиозных канонов. Вступив на капиталистические рельсы развития, Британская империя подвела черту под средневековым укладом почитания Небесного Владыки и явила миру новый способ и новую форму взывания к небу.

В феодальную эпоху религия являлась стержневым элементом духовного мира. Вокруг этого стержня располагались остальные области человеческого духа: искусство, философия, наука, мораль, право, политика. Такое строение духовной сферы полностью отражало реальные функции религиозных учреждений в недрах социального организма. Поскольку культовые дей-

ствия пронизывали буквально все стороны общества – главенствовали в быту, в производственной деятельности и заняли доминирующие позиции в сознании средневекового человека. Ни одно значимое событие в человеческой повседневности не проходило без участия в нем священнослужителей. Даже королей возводили на трон под сводами храмов, в богоугодном месте. Что же касается простых смертных, то все их жизненные вехи, начиная от рождения и кончая погребальной процессией, регулировались церковным ведомством. Естественно, что на долю других областей идейной надстройки от общего пирога оставались только жалкие крохи. Ни одно из светских творений, будь то художественные образы, моральные и правовые нормы, философские суждения, научные открытия и другое, не могло появиться на свет без санкции правящего церковного клира. Любой, даже самый гениальный продукт, созданный поэтами, писателями, художниками, учеными и философами, обязан был проходить цензуру на предмет лояльности к библейским притчам и символам. Единственное, что беспрепятственно дозволялось здесь делать, – прославлять величие Небесного Вседержителя. Земные радости объявлялись ничемными, дьявольскими порождениями греха и пороков. Собственно, других приоритетов было трудно ожидать, ведь занимались светскими видами умственного труда в период Средневековья по преимуществу люди, облаченные в рясы. И только в более поздние времена из них же сформировался очень тонкий слой профессиональной интеллигенции. Но и эта особая группа людей еще не сбросила религиозное ярмо, поскольку была связана достаточно прочной пуповиной с альма-матер. Она покорно выполняла указания церкви и продолжала нести обременительную тяжесть на своих хрупких плечах.

Кардинальные реформы XVII столетия в производстве и управлении Британского государства существенно изменили и девальвировали жесткую структуру идеального бытия, царившую в период Средневековья. Былая абсолютность религиозных истин растаяла в тумане буржуазной действительности. Претензии богословов на обладание единственно верной картиной мира и вечно неизменными правилами человеческого общежития обнаружили свою эфемерность: в повседневной практике они не подтвердились. Частая смена господствующего вероучения четко зафиксировала относитель-

ный характер богословских установлений. Стало очевидным, что догмы Священного Писания не даны нам сверхъестественной Высшей Силой, а представляют собой земное творение, причем толкуемое пастырями церкви по-разному, в зависимости от тех или иных конъюнктурных обстоятельств. Религия с небесных высот спустилась на землю и превратилась в рядовой компонент социальной реальности, сохраняющий свое влияние на жителей Великой Британии по преимуществу благодаря вековой традиции. В общественном сознании страны все чаще и чаще главенствующее место стало отходить к естествознанию, тогда как священные догматы церкви стремительно перемещались в разряд вторичных духовных образований. Церковные идеалы потускнели и нередко стали проигрывать на рынке общественных запросов светским конкурентам. Разгорелась внутренняя борьба за право предлагать обществу собственные регуляторы человеческих поступков, которая приобрела наиболее острый характер между теологией и наукой. Непомерно усилилось и внешнее соперничество различных вероучений. Все это поколебало когда-то незыблемые позиции религиозной идеологии в человеческой психике, серьезно снизило степень ее воздействия на народные массы. Прежде монолитная духовная плотина старого мира дала трещину; в ней образовались зияющие бреши. Через возникшие пробоины хлынул целый поток новых творений мастеров кисти, пера и слова. Здесь было немало непревзойденных шедевров, принесших британскому народу мировую славу. Достаточно назвать гениальные произведения В. Шекспира, научные открытия В. Джильберта, В. Гарвея, И. Ньютона, философские учения Ф. Бэкона, Т. Гоббса, Д. Локка и т. д. Английское королевство вступило в полосу интеллектуального подъема. Однако у этого, стремительно восходящего движения, имелась и прямо противоположная, нисходящая ветвь. Всякий, даже самый малоприметный шажок по ступенькам вверх, к постижению земных и небесных реалий, подобно бальзаковской шагреновой коже, сокращал зону действия религиозных представлений. Началась секуляризация священных ценностей.

Почетная миссия определить направление и основные параметры секуляризации выпала на долю британских философов. Именно они были призваны провести нелегкую работу по изучению происходящих в стране духовных пе-

ремен, разработать методологические основы нового мирозерцания. А поскольку в оркестре человеческого духа того времени религия выступала ведущей скрипкой, постольку изменения в ней (в этой, когда-то строго табуированной области идеальных явлений) оказались предметом их пристального внимания. Анализ священного наследия, доставшегося от прошлого, имел определенное своеобразие. Во-первых, бросается в глаза, что английские философские доктрины в своем освещении религиозных верований страдают ярко выраженной фрагментарностью и непоследовательностью. Раскрывается, как правило, лишь отдельная сторона религии или определенный аспект ее реформирования, тогда как другие (чаще всего наиболее важные стороны) остаются незабытыми и нетронутыми, хранящими первозданный облик. Одни мыслители вскрывали истоки религии, подробно освещали политеистические формы ее существования. Другие искали связи религиозных феноменов с наукой, искусством, моралью. Третьи рассматривали объединение религиозных структур с государством и т. д. Можно смело утверждать, что все эти трактовки культурных отправлений не смогли полностью освободиться из плена средневековых догм, от рабского преклонения перед мифологическими небесными ипостасями. Да этого по большому счету вообще-то и делать было нельзя, так как регулятивная роль религиозных образов стойко сохранялась у широких слоев населения. Почти поголовно верующие жители Великобритании вряд ли бы одобрили антирелигиозные изыс-

кания. Неслучайно атеистические учения, появившиеся на Британских островах уже в те времена, в отличие от их французских аналогов XVIII века какой-либо заметной роли в духовной жизни страны так и не сыграли.

Во-вторых, выходя из пеленок схоластики (которая неустанно на протяжении многих лет пережевывала абсолютные атрибуты Всевышнего), английская философская мысль развернулась почти на сто восемьдесят градусов. При всей своей непоследовательности она шагнула, пожалуй, дальше всех, порвав с заскорузлым догматизмом Средневековья, и смело устремилась к релятивистскому многообразию натурфилософии. Активное исследование природных явлений снабдило английских мудрецов научными знаниями, подрывающими вековые устои религии. Благодаря накопленному позитивному знанию утопическое и романтическое изображение действительности, стремившееся преодолеть священные догмы с помощью продуктов воображения, уступило место реалистическому философскому поиску. «Утопия» Томаса Мора и другие подобные труды английских мудрецов, хотя и имели отголоски в «Новой Атлантиде» Ф. Бэкона, тем не менее, сравнительно быстро вышли из моды. Штурм небес в поисках истины переместился в плоскость постижения грубых реалий земной действительности. Захватив в свои жернова область веры, он открыл в ней прежде неведомые, тайные грани. Новый абрис религии, опиравшейся на объективное основание, и стал важнейшим подспорьем кантовского религиозного строительства.

Список использованной литературы:

1. Шмелев В.Д. Религиозные искания Вольтера и Канта // Вестник ОГУ. Оренбург, 2006. №7.
2. Бэкон Ф. Опыты или наставления нравственные и политические // Бэкон Ф. Соч. В 2-х т. М., 1978. Т. 2.
3. Кант И. Соч. В 6-ти т. М., 1966. Т. 6.

Сведения об авторе: Шмелев Валерий Дмитриевич, заведующий кафедрой истории и социально-политических наук Уральского государственного лесотехнического университета, доктор философских наук; профессор,
620100 г. Екатеринбург, ул. Сибирский тракт, 37, тел. 83433739877.

Shmelev V.D.

English support of Kant's theology

Kant's philosophical-theological conception, worked out on the base of enlightened Prussian absolutism, leaned against not only works of German philosophers. It included all experience of theological action in countries of West Europe. Metamorphoses of English practice of public worship and ideas of British philosophers exerted great influence on Kant's religious construction.

Key words: essence, liberty of conscience, eternal world.

Bibliography:

1. Shmelev V.D. The religious quest of Voltaire and Kant. - Vestnik OSU. - № 7.
2. Bacon F. The experiments or instructions moral and political / F. Bacon, Op. In 2 Vols, 1978. V. 2.
3. Kant I. Op. In the 6-T. M., 1966. T. 6.